

IV.

Nelli Portnova

Когда философ пишет прозу: проблема языка в освещении Аарона Штейнберга

Философ Аарон Штейнберг (1891—1975) принципиально не хотел стать писателем¹, но его всегда тянуло к литературному творчеству. Любое сочинение, которое выходило из-под его пера, становилось художественным выражением философских идей. Что это значило, можно увидеть на примере небольшого «очерка» 1941 г., вошедшего в приложение к лондонскому сионистскому изданию «Хахашкафа хационит»².

Штейнберг не мог не принять участие в этом издании. В том же 1941 г. году он вступил в Британское отделение Всемирного Еврейского конгресса и стал главой его Исследовательского отдела (Департамента культуры). Редактором «Ялкута» стал друг С. Дубнова и его сподвижник по берлинским просветительским инициативам, известный ученый и преподаватель еврейской философии Шимон Равидович (1896—1953). С 20-е гг. в эмигрантском кружке русско-еврейской интеллигенции Берлина выработалось убеждение, что основной ее задачей должна быть работа в диаспоре и для диаспоры. Штейнберг, считавший, что еврейский народ должен жить на всем земном шаре и обращавшийся к читателю на шести языках, думал так же. Вместе с тем он полагал, что необходимо поддерживать иврит как язык классики, в который уходят

© Nelli Portnova, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ См: А. Штейнберг. Проза философа. Составление, вступительная статья и примечания Н. Портновой. München, ImWerdenVerlag. 2014. С. 162—167. <http://www.lulu.com/spotlight/ImWerden>

² שטיינבערג. ביאליק ובעל-מחשבות. עברית ויהודית. ילקוט

Zionist Review Hebrew Supplement. July—September № 2. 1941, London.

корни еврейской культуры. Война и Катастрофа стимулировала обсуждение самых общих вопросов ее существования. Штейнберг записывал в дневнике: «26. VIII. 40. Утром. Война как Божья кара <...> каждая человеческая душа тем ближе к вечному и неистребимому источнику всего живого, чем отчетливее проявляется она в телесных своих пределах, как не от тела сего, как гостя из царства не от мира сего, как частица целостности, лишь слабым отражением которой может стать целое человечество. Блаженны верующие, ибо унаследуют Землю. Надо вести хронику, покуда возможно, и жить, как в Псалме 57-м». Популярной в то время была фраза Шимона Равидовича: «Мы — „вечноумиращий народ“. Мы постоянно противостояем болезням, катастрофам, подрыву наших устоев — а затем *восстанавливаем устои и обновляемся сами*» (подчернуто мной — Н. П.).

Итак, поддерживать в это ужасное время культуру диаспоры и центра (Эрец-Исраэль) одновременно — с такой целью начали выходить сборники «Ялкупт», с пространными статьями редактора. 1-й номер был посвящен Йехуде Галеви, 2-й — семилетию со дня смерти Х. Н. Бялика. 12 ученых, литераторов и историков (Ш. Кройс, Й. Бяльский, Э. Миллер, Ш. Гольдштейн, Й. Френкель, Л. Кениг и др.) написали воспоминания о встречах с поэтом в Литве, Одессе, Италии, в Эрец-Исраэль. Штейнберг уже писал о Бялике некрологи в идишский еженедельник «Дос Фрайе Ворт», который они издавали с братом, так же, как о Баал-Махшавоте (Бахшповесе), своем дяде по матери Исидоре Эльяшеве³, поддерживавшем племянника в разные периоды его жизни и принявшем его в своем петроградском доме в 1918 г. Темой этой публикации стали не воспоминания о встречах с Бяликом и Баал-Махшавотом и не общие проблемы культурной жизни, а вопрос языка.

С начала еврейского возрождения 80-х гг. проблема языка русского еврейства стала одной из центральных, будоражащих общественность: «...еврейский язык необходимо должен быть сделан краеугольным камнем еврейского воспитания и орудием национально-еврейского образования. Тогда имен-

³ ד"ר אהרון שטיינבערג . אנקל איזידאר . ע"ה פאמיליענער יענערונגען וועגן בעל מחשבות. די וועלט³
№ 11. с. 168—169; № 12, с. 183—184. Kovno. March. 1924.

но разрешится и вопрос о еврейском языке вообще. Если мы будем иметь европейски образованное поколение, воспитанное на еврейском языке, всею душою принадлежащее еврейству, то сам собою явится и спрос на еврейскую прогрессивную литературу»⁴. Сначала это казалось простым; молодежь бросилась учить «библейский язык», менять имена, потом мода прошла... Свободный выбор языка творчества — один для всех — в конце века был мало возможен. С. Фруг писал на государственном языке и тосковал по идишу:

Жаргон, жаргон!..
Язык родной, язык народный! —
Не тот ли это Хлеб голодный,
И горький, и сырой,
С мякиной, лебедою и корой,
Что в нищенскую торбу собирали
Мы по кускам с чужих столов,
А хлеб заветный дедов и отцов
Как сор, негодный сор бросали
Без сожаления, без боли и тоски?⁵

Но когда в 1896 г. был напечатан его сборник «Лидер ун геданкен» («Стихи и мысли»), он остался на складах нераспроданным, как и Полное собрание стихотворений на идише в 2-х частях (1904 г.). Пользование еврейским языком как языком культуры имело несомненное преимущество в глазах сионистской молодежи: когда тот же Фруг, под влиянием стихов Бялика, в конце жизни написал несколько стихотворений на иврите, Д. Фришман заявил: «затерянный сирота наконец-то вернулся домой после 40 лет сиротства»⁶. Фришман поторопился с заявлением, но стратегически он не был так уж неправ: объединительная работа и строительство будущего государства требовали однозначности в языковой политике.

⁴ Бен-Хаим. Древнееврейский язык и его значение в духовной жизни русских евреев. Восход. 1888. № 10.

⁵ Еврейская жизнь. 1916, № 13, с. 40.

⁶ Т. Г. [Д. Фришман]. Трагедия Фруга. Сб. «Сафрут» под ред. Л. Яффе. I. М. 1918. С.183.

Встречи Бялика и Баал-Махшавота в Германии в 1923 г. совпали по времени с переломным годом в жизни самого Штейнберга, приехавшего туда же в эмиграцию — или вернувшегося на родину своего духа — из Петрограда, где фактически уже распалась Вольная Философская Ассоциация. 1923 год он провел в размышлениях о своем будущем устройстве в совершенно новых условиях. Присутствуя на встречах лидеров еврейской литературы лично, а частично узнававший содержание их разговоров в пересказе, Штейнберг как автор очерка демонстративно удаляется с места действия, выступая в роли режиссера: открывает занавес, торжественно представляет своих действующих лиц и оставляет их одних:

«В канун нового, 5673 (1923) года довелось оказаться на одном заезжем дворе творцу ивритской литературы Хаиму Нахману Бялику и критику идишской литературы д-ру И. Эльяшеву, известному под именем Баал-Махшавот. В тот период оба они были скитальцами, покинувшими большевистскую Россию и поселившимися в Германии. Один, Бялик, был **готов совершить** алию на древний Восток, в Эрец-Исраэль, другой, Баал-Махшавот, **тоже стремился** за море, но не к Обетованной земле праотцов, а к земле нового обетования — в Америку» (выделено мной — *Н. П.*).

Бездомность — исторический смысл момента как для обоих героев, так и для всего народа, что остро ощущается автором. С этого перекрестка герои собираются ехать дальше. Штейнберг пока остается.

Ранее Штейнберг уже использовал форму «драматизации» прозы в «повести в 4 действиях» «Достоевский в Лондоне» (1931). А началась его «режиссура» в детстве, когда, назначенный «театральным директором», он руководил постановкой пьесы своего брата Исаака Штейнберга «Хасмонеи»⁷. Бялик и Баал-Махшавот встречаются, чтобы наслаждаться общением, и эта расположенность друг к другу ставит под вопрос конфликт, необходимый для драмы. «Бялик пользовался любым предложением, чтобы посещать своего нового друга, гулять

⁷ А. Штейнберг. Проза философа, Ibid. с. 178—180.

с ним часами по саду и по лесу, проповедовать, критиковать и рассуждать, иной раз одновременно — о жизни и о смерти, что попадёт на язык». Другой фактор, тоже соединяющий оппонентов, — общий язык бесед — «язык матери», идиш. Из разных тем Штейнберг выбирает одну, а тонко рассчитанные отношения, складывающиеся в процессе полемики, образуют интеллектуальное и эмоциональное напряжение, близкое к драме.

На первом этапе разговора выясняется нечто неожиданное для Бялика: общность культурных корней. «Однажды Бялик в шуточной форме коснулся имени собеседника⁸: «Существует выражение Хазаль⁹: «Пусть Всевышний воздаст». Каково же было его изумление, когда намек на агаду из Санхедрина 19:20 не удивил моего дядю. Как стрела из лука, последовал его ответ: «Написано: «Разве я вместо Бога?» Берейшит 30.¹⁰ И так незамедлительно Баал-Махшавот возвращает оппоненту его претензию: разве «мой долг» у ценителей иврита больше «твоего долга» у целого народа — читателей твоего слова, твоих стихов, желающих получить их не через посредника, а лично от тебя? Если я — должник, не платящий долгов, то твой долг больше моего в силу твоего богатства».

В блестящем ответе нота уважения к поэту была равна теоретической предпосылке критика: культура целостна и неделима. Оба убедились в отсутствии пробелов в аргументации оппонента, но проблема не решена: кто должен ответить за раскол в культуре? (Ответственность — главное требование, которое предъявлял Штейнберг к русской интеллигенции, см. его доклад «Достоевский — философ», книги «Система свободы Достоевского» и «Достоевский в Лондоне»).

⁸ Имеется в виду фамилия Баал-Махшавота — Эльяшев, означающая «Бог воздаст (возвратит)» (прим. ред. — Н. С.-Р., Д. С.)

⁹ Хазаль — сокращение известного выражения «Хахамейну Зихронам ли-Враха (наши мудрецы, да будет их память благословенна)», мудрецы эпохи Талмуда.

¹⁰ Фраза возникает в Торе дважды. Яков говорит Рахель: «Разве я вместо Бога, лишившего тебя плода чрева?»; Йосеф в ответ на просьбу братьев простить их: «Не бойтесь, разве я вместо Бога, чтобы вредить вам?»

Оба спорщика не снимают с себя ответственности. Бялик говорит об этом цветисто, метафорами, выражая таким образом ощущение тревоги: «Ты прав — мы грешники и преступники. Если текущая из рая река — наше творчество — делится на несколько русел, и каждый из нас пьёт из своего стакана и зарабатывает из него; если ты, — и улыбка снова расцвела в уголках его губ, — сидишь на реке Тигр, а я на Евфрате, — нечего нам сердиться и жаловаться друг на друга».

Одну часть языкового поля не оторвать от другой, значит надо работать на обоих языках? Бялик наступая: «Если я предъявляю тебе претензии, то это только потому, что я не могу понять, почему ты ограничиваешь свое искусство и свой интеллект только одной половиной нашей литературы, которая и по твоему мнению состоит из двух частей, составляющих целое. Почему бы тебе не пахать и пожинать на всем поле, с начала до конца? Такое молчание — прости меня — не делает тебе чести! В этом моя претензия, и я не отступлюсь от нее». Позже, в Палестине, Бялик заявляет, что «иврит и идиш обречены на небесах, и их не разлучить», говорит дома на идише, за что получает от гебраистов гневное осуждение. Но сделать двуязычным творчество, понимает он, невозможно: «Могу ли я думать, что ты сможешь «гебраизироваться» или я смогу стать «идишистом» в большей мере, чем мы удостоились впитать из груди дочери нашего народа?»

Штейнберг мог бы привести свидетельства того, как Баал-Махшавот отстаивал оригинальность современного идиша, сформировавшегося у южных евреев, как показывал неповторимость появившейся на украинских землях идишской литературы («Южное еврейство и еврейская литература XIX в.»), как руководил идишским отделом издательства «Клалферлаг» в Берлине и т. д. Или сказать о том, как Бялик все же писал на идиш стихи и о его сборнике «Фун ца'ар ун цорн» («О печали и гнев»), вышедшем в 1906 г. Но в «режиссируемой» Штейнбергом «пьесе» нет ни прошлого, ни будущего.

Поэтом и критиком все больше овладевает желание прийти к компромиссу. «Действительно, мы все в долгу и во взаимодействии друг с другом, — говорит Баал-Махшавот. — Если мы не обратим на это внимания, мы не только не при-

дем к преобразованию нашей литературы, но каждая из сторон не сможет сохранить даже свой виноградник». И как человек практический, он тут же показывает «свое понимание еврейских основ» произведений Бялика. Оказывалось, что оба встретились не только для выбора языка в качестве национального инструмента культуры, но и для проверки собственных «инструментов» взвешивания реальности. В отличие от вечно проходящего через кризисы Бялика, Баал-Махшавот (что в переводе значит «Мыслитель») всегда был последователен и энергичен. Противостояние его существующей данности было принципиальным и непрерывным, напомним, что за статью о лейтенанте П. П. Шмидте он подвергался аресту. Евреи не должны полагаться на благодетелей; гуманитарная инициатива М. Горького по подготовке сборника «Шцит» несоизмерима с масштабом национальной трагедии, — доказывал он в публичной полемике с русским писателем. Открытый русской и европейской культуре, критик писал о еврейской литературе Литвы и Курляндии, переводил на идиш «Казаков» Л. Толстого, «Отцов и детей» И. Тургенева и «Altneuland» Т. Герцля... Теперь, сидя с другом на садовой скамейке, Баал-Махшавот приступает к своей профессиональной работе.

Во-первых, он возражает против стандартных оценок Бялика как поэта-пророка; на самом деле, считает он, в его сочинениях отразилось многое из самосознания простого «волинского еврея». «Я считаю, что ранние произведения, если погрузиться в их вкус и запах, обнаруживают человека Хаима Нахмана больше, чем кучи стихов, которые ты написал после того, как стал рабом своего имени и был вынужден отчуждаться от себя». Во-вторых, Баал-Махшавот обращается к вызывавшему споры рассказу Бялика «За оградой». Сложный и противоречивый, он необъясним вне того эстетического принципа цельности, которым оба руководствовались в понимании культуры. Еврейский мальчик Ноах живет в ортодоксальном, закрытом от мира доме и лишь в щелку забора наблюдает за русским миром в соседнем дворе, где вырастает сирота Маринка. Их любовь прочитывалась как попытка сближения двух миров. Но то была временная попытка: финальная сцена традиционной еврейской свадьбы, за которой в ту же щелку

наблюдает Маринка с ребенком на руках, перечеркивала линию сближения насильственным образом. Критика терялась в догадках и подвергала рассказ осуждению. Баал-Махшавот разъяснил авторскую позицию небольшим, но важным уточнением: «Твой рассказ «За оградой» относится к тем годам, когда ты сторонился еврейства. И все же даже слепой увидит, что отрок, который заглядывал за завесу нашего мира, — дитя из дома Арье-Баал-Гешема (Арье-Здоровяка). И вот я стал допытываться, отчего это автор выбрал такое неподобающее имя, ведь «Ноах» и поэт — две стороны одной медали, и сейчас же мне стало ясно, что это имя — инициалы твоего двойного имени Нахман Хаим». Эти собственные сомнения и колебания выведены Бяликом под именем главного героя.

Без единого авторского слова, изнутри нарисованы два портрета: стремительного, открыто страдающего, образно мыслящего Бялика и острого аналитика, смелого новатора Баал-Махшавота. Отдельно и вместе они выясняют, что язык не связан фатально с культурой, что национальный дух может быть воплощен на обоих языках. Такую идею Штейнберг пропагандировал и развивал сам. Участвуя в инициировании культурных учреждений Израиля, он выступил с докладом на конференции 1955 г. о национальном воспитании. Заседание вел глава израильского отделения Всемирного Еврейского Конгресса д-р Арье Тартаковер. Социолог, философ и общественный деятель, сионист из Польши, доктор права, он объявил собравшимся цель дискуссии: «дать толчок к пониманию современной еврейской культуры <...> Настоящая культура похожа на море в сердце человека...» А. Тартаковер привел сравнение русских духоборов с немецкими профессорами во время Гитлера. Первые, простые неграмотные крестьяне, но знающие, что Бог рядом; вторые — ученые, каждый из которых — автор дюжины книг, но готов съесть ближнего, как делают канныбалы в джунглях.

Доклад Аарона Штейнберга носил философско-исторический характер и назывался «Ха-келим ха-швурим в-ха-кли ха-

шалем» — «Сосуды разбитые и целый сосуд»¹¹. Он начал с того, что в Израиле существует непонимание культурной ситуации евреев диаспоры, поскольку здесь полагают, что все еврейские общины являются частью Израиля. Здесь существует установленное государством воспитание, и вся культура держится на одной оси, здесь нет проблемы связи языка с культурой, ибо язык традиции — он же язык воспитания, и «здесь нет опасения, что наше наследие потеряется, так как здесь есть традиция передачи от поколения к поколению культурных ценностей». Но культурная ситуация в галуте совершенно иная, там у нас нет постоянной системы еврейского воспитания, нет взрослых, готовых и способных передать свои знания детям... «Мы нуждаемся в воспитателях из Израиля, задача которых изменить духовный климат еврейства диаспоры с изменением климата культуры».

Каббалистическая образность служила формой для понимания задач современного воспитания: «В тот момент, когда мы говорим о воспитании и культуре, тут же встает самый важный вопрос — вопрос о языке. Я уподобляю язык сосуду. В Израиле существует равенство между сосудом и тем, что внутри него. В галуте сосуд треснутый, разбитый на кусочки, необходимо создать новый. Это на самом деле проблема жизни и смерти, здесь это не такая трагедия. Что предпочесть: прекрасный сосуд или его красивое содержимое? Нет сомнения, что мы выберем содержимое. Когда есть живая традиция внутри старого и разбитого сосуда, даже если он не такой красивый, есть необходимость в его существовании. Например, в языке идиш — мы применим все усилия, чтобы он существовал. Другие языки тоже нужно сохранять, в том числе, английский, польский, русский и другие — в них тоже можно хранить еврейский дух. Даже в немецком языке ашкеназийских евреев есть еврейские интонации».

Обсуждение было горячим: Шалом Бен-Барух, д-р Вольфсберг, И. Молхо — резко возражали. Нет смысла поддерживать войну трех языков, как требует д-р Штейнберг: иврит, идиш и язык страны галута; надо сосредоточить все силы на

¹¹ א. שטיינברג. כלים השבורים והכלי השלם. לקראת גאולתה הרוחנית של האומה תל-אביב. 1955.8.28.

развитие иврита и устранить войну отцов и детей в еврейских семьях в галуте. Д-р Ш. Федербуш, член правления Всемирного Еврейского Конгресса, поправляет: «...есть общины, как аргентинская, бразильская, мексиканская и др., в которых можно говорить только на идиш. По-моему, идиш не глохнет с распространением иврита и вместо него все еще употребляется в качестве жалюзей перед ассимиляцией...» Однако концепцию докладчика он не поддержал: «нам надо стремиться распространять прежде всего иврит и культуру на нем... Только с помощью иврита мы сможем возвести духовный мост между Израилем и галутом».

В заключительном слове А. Тартаковер занял позицию реалистическую. «Не в наших силах сохранить еврейские ценности и обеспечить продолжение еврейства в галуте...» Он сомневался также, что отношения между сосудом и его содержимым таковы, как считает Штейнберг. «Мы будем хранить вино, но если оно прольется?» Он видел разницу в культурной ситуации Израиля и диаспоры и не успокаивал каким-то единственным решением. «Здесь, на исторической родине проблемы не существует; никто не позволит, чтобы возникла культура Израиля в форме, отличной от ивритской. Но в галуте крепнет сознание того, что нельзя отделить еврейское содержание от сосудов, в которых оно содержится. Отсюда пришел призыв к двуязычности, завоевывающий сердца, по крайней мере, — в Америке».

В ответном слове А. Штейнберг сказал: «...пока существует идиш, нельзя отказаться от него. Пример — журнал «Давке» в Аргентине, в нем участвуют исследователи и писатели, которые не могут писать на другом языке. Это не святые трубы, но, во всяком случае, в них есть святые искры, и нужно позаботиться об их сохранении. Пока существует галут, нужно сделать все, чтобы сохранить осколки сосудов, рассеянных в общинах, и извлекать из них все доброе, что можно, нужно помогать им от 50-ти до 100 лет, после чего все соберется в Сионе, и осколки станут одним целым и святым сосудом».

Вся конференция была зеркалом однозначно-идеологического, кажущегося единственным решения проблемы. Штейнберг же отстаивал наследие довоенных просветителей, в том

числе, двух спорщиков 1923 года. «„Святой язык“, — говорил он, — выше других, но он не охватывает духовности всемирного народа, цель существования которого — выше его самого».

В публикации «Ялута» был заложен и второй, философский план: процесс творения мысли вообще. Хотя с момента событий прошло 18 лет, временная дистанция не чувствуется; это было творческой целью Штейнберга: «Видеть ядро и вещи, прежде всего — людей, Историю, культуру сквозь разъединяющую призму пространства — в этом суть того искусства, которому учит Философия. Оттого-то я люблю ее с юношеских лет!!!», — писал он в дневнике 15 октября 1940 г. В научных текстах Штейнберга всегда утверждался принцип множества и многообразия, которые образуют единство. Выступая как писатель, критик и философ одновременно, он создавал документально-художественное произведение, жанр которого трудно определить: для очерка не хватает конкретного автора, для жанра воспоминания требуется течение времени, литературный портрет обычно включает обстоятельства жизни героев. Впоследствии Штейнберг многократно пользовался диалогом для воплощения философской идеи — но без его исключительности, дополняя диалог рассказом о судьбе, характере, мироощущении героя. Так возникли произведения, которые с большим правом можно назвать очерками или воспоминаниями: о С. Михоэлсе, старшем брате Ицхаке Штейнберге, двоюродном брате С. Эльяшиве-Фридмане, С. Дубнове, В. Брюсове, А. Блоке, Л. Шестове и др.

В финале диалог завершается авторским словом, как и в прологе. Через общие источники, логику, согласование мнений и погружение в творчество друзья подошли к такому взаимопониманию, когда хочется создать нечто общее, каждому на своем языке: «Я рад, — ответил Бялик, — что ты невольно попался в мои сети. Ты должен записать то, что сказал. И если мне на самом деле удастся издать все сочинения «Ноаха», хотя это не единственная моя забота, ты должен сочинить предисловие, а я переведу его с идиш. Баал-Махшавот ответил: „Обещаю, я этого хочу“. Однако тогда Баал-Махшавот не знал, что стоял на пороге смерти, унесшей его в начале 1924 г. И этот счет до сих пор не оплачен». Критик уми-

рает, поэт уезжает, как и хотел, в Эрец-Исраэль, строит там дом и продолжает «пахать» на своем поле, не пренебрегая соседним.

Человек должен испытывать истину каждый раз заново, — внушал Штейнберг читателям. Небольшая публикация в периодическом издании 1941 г. — один из его типичных экзистенциальных опытов, в котором эпохальная тема актуализирована общением двух ярких творческих личностей и оставлена неисчерпаемой, открытой: «...счет до сих пор не оплачен».